

Мозаика судеб

БИОФАКОВЦЕВ
МГУ 1930-1960
годов поступления

Том I

1930–1950-е годы

Под общей редакцией профессора М.В.Гусева

Товарищество научных изданий КМК
Москва • 2007

Куражковский Юрий Николаевич

Испытание прочности

Я родился 15 января 1923 г. Родители передали мне признанный на экзаменах в МГУ безукоризненным русский язык и общие традиции русской интеллигенции.

В 30-е годы мы переехали в Ростов-на-Дону. Мне повезло попасть здесь в небольшую и скромную 37-ю школу. Ее преподаватели не баловали нас оценками, но щедро делились знаниями, используя для этого любые предлоги. Например, в столетие смерти Пушкина у нас весь год работал увлекательный семинар по литературе, культуре и общественным движениям пушкинской эпохи.

Мое же школьное обучение было своеобразным. Едва кончались занятия, я уезжал на север к дяде-лесничему и возвращался лишь в конце осени — начале зимы. Занятия наверстывались, и школа мирилась с этим. Зато лето было посвящено наблюдениям в природе, охоте с дальними походами. Лесничество вело многостороннее хозяйство с посадкой и рубкой леса, земледелием, усовершенствованием дорог... На заработанные там деньги я в 14 лет купил себе ружье. А из Ростова переписывался с редакцией "Юного натуралиста" по поводу своих наблюдений. В 1939 г. на Всесоюзном юношеском научном конкурсе мне присудили 2-ю премию.

В 1940 г. поехал поступать на биологический факультет МГУ. Конкурс — 11 человек на место. Коридоры забиты поступающими и их близкими, жаждающими новостей. Один из них заговорил со мной:

— А зачем вы в Москву? Биофак же есть и в Ростове.

— Я хочу заниматься экологией у Формозова.

— Ну это другое дело...

Позднее я узнал, что говорил с заместителем декана В.А.Ракковым и обо мне было дано указание: "Этого не проваливать: он знает, зачем идет к нам". Но я уже обеспечил себе поступление.

В общежитии я попал в одну комнату со "знаменитым юннатом" Васей (Василием Владимировичем) Груздвым, вышедшим из костромской глубинки талантливейшим натуралистом, побе-

дителем многих конкурсов. Его отличали исключительные скромность и прямота. В первый момент нас, приезжих, удивляло изобилие громких фамилий среди студентов. Но скоро мы почувствовали, что роль имен в Московском университете ничтожна. И даже учебные успехи — не главное. Высший почет воздавался уму и научным достижениям. Быстро распространилась молодая дружба. Но при этом у обитателей общежития было легкое чувство превосходства: у москвичей оставались домашние и детские связи, у нас же было отринуто все, кроме университета. Много давал нам клуб МГУ: его изумительный студенческий хор, театральная труппа, а главное — выступления всех знаменитостей нашего времени: подрипка О.Ю.Шмидта, автора "50 лет в строю" генерала А.А.Игнатова, политолога Г.М.Свердлова и др. Мы готовились к летним экспедициям...

Но все перечеркнула война. Наш студенческий отряд строил оборону на Днепре. Фронт был рядом: мы видели вспышки на горизонте, нас бомбили и обстреливали самолеты, мимо везли раненых с пропитанными кровью повязками... Узнав, что рядом находится переведенная в кадровые части 8-я Краснопресненская дивизия народного ополчения, где было много наших товарищей, мы вступили в нее добровольцами.

Осенью 1941 г. немцы, начавшие генеральное наступление на Москву, прорвали наш фронт рядом с нами. И от Кремля их отделили только 300 км без единого боевого прикрытия. Нас в числе нескольких десятков тысяч бойцов срочно бросили на впереди в Москву Минское шоссе. Но силы противника многократно превосходили наши. "Положение спасло лишь то, — писал позже маршал Г.К.Жуков, — что наши части, находясь там в безнадежном положении, все же не побежали". По примерному подсчету здесь на каждах 50 человек 49 было убито и 1 тяжело ранен. В число последних попал и я. И из всех наших студентов и преподавателей, воевавших в 41-м году, вернулось нас, кажется, двое... На войне бывает все — и героизм, и страх. Но у привыкших к дисциплине духа университетских воинов я не видел слабости или растерянности.

Потери были не напрасны. После нас пожертвовали собой Подольские военные училища. А тем временем Жуков создал фронт обороны Москвы. Спасение Москвы дало Победу, а миру — спасение от ужасов фашизма.

Цепь госпиталей привела меня в Тюмень, где меня нашли наши биофаковки Ирина и Нина Петровны Карузины. Убедившись, что я "настоящий" биофаковец, они просили меня считать их сестрами. Делились со мной, чем могли. Наше братство сохранялось до конца их жизни.

В госпитале я узнал о попытке противника уничтожить Московский университет. Мощная бомба попала в здание на Мохо-

вой, на крыше которого дежурил мой побратим В.Груздев. Ему дважды повезло. Летящая балка ударила его в голову, но жизнь спасла пожарная каска. А пролетев все пробитые междуэтажные перекрытия, он упал вниз на диван.

Демобилизованный по ранениям, я попал в Москву на биофак как раз на встречу Нового 1943 г. Тамადой избрали почетного годами профессора Николая Алексеевича Бобринского, участника I Мировой войны и, кстати, графа, потомка Екатерины II и Григория Орлова. Бобринский сказал: "Когда Бисмарк был прусским послом в Петербурге, он, чтобы узнать Россию, много ездил по ней и однажды зимой попал в буран. Потеряв дорогу, они попадали из одного бедственного положения в другое, еще худшее. Не говоривший по-русски Бисмарк теревил вознику рукой и неизменно получал в ответ: "Ничего..." "С тех пор, — писал Бисмарк, — для меня нет ничего более ужасного в мире, чем это слово "Ничего". Так выльем же за наше русское "Ничего!" Тост приняли с энтузиазмом.

В голодной военной Москве у нас были частыми общие застолья. Кто-то приносил пару картофелин, другой — одну свеклу, третий — луковицу на винегрет, шепотку сахарина для чая. Но дорого было общение. Война всех разматала. Общей семьей стал факультет. Эти неформальные общения имели огромное значение для нашей культуры и нашего воспитания.

Воспитание незримо проходило через контакты преподавателей со студентами. Великолепный личный пример подавал потомственный профессор Сергей Иванович Огнев — очень порядочный, доброжелательный и внимательный к собеседникам. Помню возник какой-то конфликт между заведующим кафедрой Б.С.Матвеевым и профессором А.Н.Формозовым. Все об этом знали. И доцент Н.В.Шибанов как бы невзначай, но трижды в разных местах сказал при студентах: "Борис Степанович, конечно, уступит как более старший".

Спустя годы меня просили возвратить научную лабораторию, заведующий которой оказался проходившим, не имевшим отношения к науке. Его решили изгнать, а меня просили срочно принять заведование. "Ни в коем случае! — воскликнул, услышав это, Венямин Иосифович Цалкин. — Помните, Юра, никогда не ходите на живое место, где кто-то работает. Пусть они его выгонят без всякого вашего участия и лишь тогда вступайте в переговоры". Запомнил на всю жизнь. И сколько раз в трудных ситуациях прикидывал: "А как поступил бы Огнев, что сказал бы Формозов, другие учителя?" И проходил испытание с честью.

Однажды у меня украли продовольственные карточки. До получения новых оставалось более недели. Зимой натошак столько не проживешь. Приходилось бросать все и спасаться у родственников в лесничестве. Но в этот момент пришла посылка с фрон-

та. Мой побратим Вася — В.В.Груздев — получил новые сапоги, а старые еще не были изношены. В это время в Москву ехал их сержант. На просьбу отвезти мне сапоги сержант сказал: “Без обуви ноги можно тряпками обмотать, а без еды не проживешь”. И обменял в деревне сапоги на каравай хлеба и добрый кусок сала-шпига. Моя жизнь до новых карточек была обеспечена.

Вернувшись с фронта в Москву, я получил квартиру-комнату с печным отоплением. Но дрова требовали хлопот, и я ее бросил. Ночевал в университете. А если опаздывал к 10 часам вечера, когда сторож уходил спать, ехал за город, где у меня был зимний ночлег в лесу. Под елью, ветви которой опускались до земли, была постель из веток. Утепляющую роль играла развернутая перед лицом газета. В 1944 г. университету вернули общежитие на Стромынке.

Интереснейшей фигурой был наш декан Сергей Дмитриевич Юдинцев. Выходец из крестьян, он часто потрясал всех своей внешней грубостью. Но всеведущие студенты знали, что он очень внимателен к мнению профессоров и беззаветно защищает студенческие интересы. Например, когда была введена плата за обучение, он отдал все свои личные сбережения, чтобы не отчислить ни одного студента.

Научная работа в военном МГУ не угасала ни на миг. В 1943 г. я услышал доносившийся из деканата громкий мужской голос: “Есть постановление правительства о том, что вы обязаны направить к нам четырех научных сотрудников. И вы обязаны его выполнить. Еще раз повторяю, нам совершенно безразлично, будут эти сотрудники преподавателями или студентами”. Таков был научный престиж наших студентов.